

Ю. В. СТЕННИК

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ 1770-х гг.

(Сатира Сумарокова „О худых рифмоторцах“)

В цикле сатир Сумарокова, опубликованном им отдельным сборником в 1774 г., выделяется своей полемической направленностью сатира IV «О худых рифмоторцах». Насыщенность ее содержания критическими выпадами против плохих поэтов, апелляции к признанным авторитетам античной и европейской поэзии, наконец, наличие в тексте явных реминисценций пародийного плана, содержащих скрытые намеки на произведения современников автора, придают этой сатире черты памфлетности. Однако удовлетворительное истолкование общей направленности сатиры, которое помогло бы раскрыть содержащуюся в ней полемику и расшифровать неясные места, до сих пор в научной литературе отсутствует. Не случайно, по-видимому, П. Н. Берков, включивший это стихотворение в изданный им однотомник «Избранных произведений» А. П. Сумарокова, ограничился комментированием только заключенных в тексте исторических реалий, не попытавшись указать ни адресатов сатиры, ни имеющих в ней прямых следов литературной полемики.¹

Следует, правда, отметить, что попытку истолковать смысл этой сатиры в свое время предприняла Х. Шредер.² Но ограниченная в возможностях полного ознакомления со всеми необходимыми материалами, западногерманская исследовательница избрала не совсем верный путь, на чем ниже мы остановимся особо. Вопрос о конкретных стимулах, определивших содержание и форму сатиры IV, остается на сегодняшний день открытым. Обратимся к тексту произведения.

Необычность этой сатиры подчеркивается уже оригинальностью ее композиции. Произведение распадается на две части,

¹ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957, с. 539. (Б-ка поэта. Большая сер., 2-е изд.).

² Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Böhlau Verlag. Köln, 1962, S. 154—159.

различающиеся каждая своим пафосом и стилистической тональностью. Собственно сатирой, в традиционном для классицизма понимании специфики данной жанровой формы, является ее первая часть. Это резкая, выдержанная на одном дыхании инвектива против бездарных и невежественных поэтов и переводчиков, засоряющих Российский Парнас. Сжатый и энергичный зачин дает читателю представление об объекте сатиры

Одно ли дурно то на свете, что грешно
И то нехорошо, что глупостью смешно.
Пиит, который нас стихом не утешает,
Презренный человек, хотя не согрешает.³

Со свойственной ему безапелляционностью и резкостью Сумароков в двух стихах заключает собственное понимание истинного поэта и эпитетом «презренный» определяет свой подход к оценке тех авторов, обличение которых должно стать предметом сатиры. Следующие далее стихи по-своему конкретизируют позицию сатирика, разъясняя и углубляя общую идею произведения:

Но кто от скорби сей нас может исцелить,
Коль нас бесчестие стремится веселить?
Когда б учились мы, исчезли б пылы оды,
И не ломали бы языка переводы:
Невеже никогда нельзя переводить.
Кто хочет поплясать сперва учись ходить.

(с. 359)

Указав далее, что в поэзии помимо знания пужны еще «сердце» и «вкус», Сумароков особо подчеркивает роль таланта, природную склонность писателя к творчеству. Поэтом надо родиться:

Не все к науке сей рождены люди.
Расин и Мольер во все ль бывают веки,
Кинюльт, Руссо, Вольтер, Депо, Деллафонте,
Плоды ль во естестве обычны всех времен?

(с. 359)

В подтверждение этой мысли Сумароков набрасывает своеобразную периодизацию развития мировой литературы, определяя отдельные этапы ее расцвета именами наиболее выдающихся авторов: век Софокла и Еврипида, век Вергилия («римского Гомера») и Овидия, век Тассо и Малине, наступающий «после тяжкого поэзии ущерба», связанного в глазах Сумарокова с эпохой средневековья. Последним крупным автором, олицетворяющим собой расцвет французской поэзии в предшествующем XVII в., назван Буало. Упомянув о нетерпимости Буало к литературным противникам, Сумароков завершает свою периодизацию резкой инвективой против самоуверенных претензий подражателей превзойти достижения великих предшественников. В каж-

³ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... М., 1781, ч. VII, с. 358—359. Далее ссылки на это издание следуют в тексте статьи.

дую эпоху имели место попытки затмить славу классиков, и каждая такая попытка заканчивалась неудачей:

Не можно превзойти великого пиита;
Но тщетность никогда величием не сыта.
Лукап Вергилия превысити хотел,
Сенека до небес с Икаром возлетел,
«Евгений» ли лзя превысить «Мизантропа»,
И с «Ипермнестрою» сравнительна ль «Меропа»?

(с. 359—360)

Сумароков последователен в своих оценках. От античности он переходит к современности, ополчаясь на Бомарше, на соперника Вольтера — Кребийона. Его раздраженные нападки на «слезную драму», вызванные успехом постановки в Москве драмы Бомарше «Евгения», сменяются прямой ссылкой на Вольтера, который в своем письме к автору вежливо соглашался с осуждением крайностей драматургических повторов. Как теоретик классицизма Сумароков резко осуждает смещение в драме трагического и комического, сравнивая новый жанр с «лошаком» (мулом).

Таково в общих чертах содержание первой части сатиры. Какие предварительные выводы можно сделать о ее целевой направленности? Ясно, что объектом нападков Сумарокова являются не вообще абстрактные бездарные поэты («худые рифмотворцы»), а, по-видимому, какие-то конкретные авторы. Сумароков имеет в виду прежде всего одописцев, создателей «пухлых од», и «невеж», берущихся за переводы. Кроме того, ополчаясь на подражателей, Сумароков явно метит в тех, кто в желании сравняться с поэтами прежних времен если и не претендует превзойти их, то по крайней мере хотел бы разделить лавры предшественников. Этот мотив повторяется при переходе ко 2-й части сатиры, где автор, как бы возвращаясь к зачину, вновь обрушивается на бессмысленных певцов в выражениях, исполненных своеобразной патетики и сарказма:

Умолкни тот певец, кому несвойствен лад,
Покинь перо, когда его не вкусен склад,
И зная малого не преходи границы;
Вергилий должен петь в дни сей императрицы,
Гораций возгласит великие дела:
ЕКАТЕРИНА век прекрасный нам дала.

(с. 360)

Имена Вергилия и Горация в этом связующем обе части сатиры пассаже воспринимаются в контексте всего произведения как опорные сигналы, ключи к пониманию авторской мысли.

Вторая часть сатиры, следующая сразу после приведенного пассажа, озадачивает своей резкой контрастностью со стилем и содержанием предыдущих стихов:

Восторга нашего пределов мы не знаем:
Трепещет Отоман, уж Россы за Дунаем.
Под Бендером огнем покрылся горизонт,
Колелебтся земля и стонет Геллеспонт;

Сквозь тучи молния в дыму по сфере блещет,
 Там море корабли турецки в воздух мечет.
 И кажется с берегов: морски валы горят,
 А Россы бездну вод во пламень претворят:
 Российско воинство везде там ужас свет,
 Там знамя русское, там флаг российский веет...

(с. 360)

Перед нами устойчивый набор лексики, исполненной высокого пафоса панегирических песнопений, стихи, несущие все признаки стилистического строя торжественной оды. Но тем самым оказывается явно нарушенным единство поэтической системы сатиры. Причем оно нарушается также и в тематическом плане, ибо воспевание побед русской армии над турками никак не вытекает из рассуждений о плохих поэтах и переводчиках. В чем же художественный смысл такой внезапной смены стилистической тональности в пределах структуры одного произведения? Западно-германская исследовательница Х. Шредер в своей книге о русской стихотворной сатире XVIII в. уже обращала внимание на эту особенность IV сатиры Сумарокова. Она объясняла ее пародийным заданием, положенным в основу идейного замысла произведения. Такое объяснение справедливо, но встает вопрос об объекте сумароковской пародии. Х. Шредер полагает, что в данном случае Сумароков имел в виду оды Ломоносова. Она ссылается на примеры, уже имевшие место ранее: «Достаточно указать на 2-ю „вздорную оду“ Сумарокова, в которой высмеивается стиль од Ломоносова. Считается, что эти пародии возникли около 1759 г., но и через 15 лет Сумароков занимает не менее воинственную позицию по отношению к ломоносовскому направлению. Для нас достаточно сопоставить часть лексического материала второй „вздорной оды“ и пародии в сатире».⁴ И далее исследовательница проводила сопоставление лексики, подтверждавшее, по ее мнению, справедливость предложенного объяснения. Так, списку опорных существительных из словаря пародии (*восторг, предел, горизонт, туча, молния, дым, сфера, море, бездна, пламень, взор, зрак* и т. п.) соответствуют существительные, употребленные в тексте «вздорной оды»: (*гром, молния, море, облака, тьма, горизонт, дым, трон, небеса, держава, твердь, пучина, бездна* и т. д.). Аналогичным образом Х. Шредер сопоставляет глагольный состав лексики двух произведений, наиболее употребительные прилагательные. Интересен сопоставительный ряд собственных имен. В тексте сатиры это: *Отоман, Россы, Бендеры, Гелеспонт, Нева, Кремль, Евфрат, Сион*. Им противостоят употребленные во «вздорной оде» *Ефес, Дамаск, Персеполь, Борей, Океан, Фаетон, Нептун*.

Как видим, в отдельных элементах общность лексического состава действительно наблюдается. Но привлечение этногеографиче-

⁴ Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert, S. 157. (Перевод наш, — Ю. С.)

ских названий и собственных имен, упоминаемых во „вздорной оде“ 1759 г. для истолкования полемического подтекста сатиры 1770-х гг., мало что нам может дать. Прежде всего из приведенного выше отрывка сатиры Сумарокова ясно видно, что сарказм его пародии направлен на произведение, в которых воспевались победы русской армии в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Перенесение военных действий за Дунай, взятие Бендер, наконец, сожжение турецкого флота в Архипелаге — все это события 1769—1772 гг., т. е. того времени, когда писалась сатира и когда Ломоносова уже не было в живых. Путь, избранный Х. Шредер, неверен и потому, что приведенный пассаж, пародийно стилизующий образцы панегирической поэзии, следует рассматривать в контексте всего произведения, учитывая полемические намеки, заключенные в первой его части. Но вряд ли к Ломоносову можно отнести раздраженные выпады против «невеж» — переводчиков. Требуется объяснения и неоднократное (и тоже содержащее полемический оттенок) упоминание в сатире имени Вергилия. К Ломоносову пропическое сравнение с Вергилием могло бы иметь отношение лишь в связи с его незавершенной поэмой «Петр Великий» (1761). Но никаких признаков, дающих основание для подобного сопоставления, сатира также не содержит. В чем же тут дело?

Вторая часть сатиры Сумарокова действительно выдержана в пародийном духе, но она направлена не против Ломоносова, а против представителей более молодого поколения поэтов, претендовавших в новых условиях выступать его продолжателями, а на деле оказывавшихся зачастую всего лишь посредственными подражателями. Объектом пародийного осмеяния Сумароковым явились в данном случае такие поэты, как В. Петров и В. Рубан. Казенные одописцы, выступавшие с позиций верноподданнического прославления царствующих особ и их вельмож, поставлявшие пышные панегирики по любому поводу из жизни двора и его окружения, оба они неизменно служили объектом насмешек со стороны Сумарокова и представителей его школы.

Еще в 1766 г. Сумароковым было написано стихотворение «Дифирамб Пегасу», едкая пародия на оду В. Петрова «На карусель» (1766). В нем поэт третировал новоявленного «преемника» Ломоносова, совмещая в нападках на поэтическую систему Петрова приемы, использовавшиеся ранее в пародийных «вздорных одах». Теперь Сумарокову не было нужды тревожить тень Ломоносова. Непосредственным объектом пародии в его IV сатире служит поэзия подражателей великого поэта. Достаточно привести на выбор несколько стихов из оды В. Петрова «На победу российского флота» (1770), чтобы уловить подлинный источник цитированного выше явно пародийного отрывка из сумароковской сатиры:

О странно зрелище! среди валов пожар,
Победа к нам летит, одним врагам удар;
Горят, от дыма мрут, полусожженные тонут...

Что тако озарен средь темной ночи понт!
Не Феб ли ускорил взлететь на горизонт?
Нет, вижу, мстят врагам разгневанные Россы,
Их это, их горят торжественны огни.⁵

Опорные сигналы неестественной метафоризации поэтического стиля, который высмеивается во второй части сатиры Сумарокова («морски валы горят», «россы бездну вод во пламень претворят», «российско воинство везде там ужас сеет»), находят свое объяснение в контексте данных стихов В. Петрова. Еще более рельефно весь набор поэтических приемов и лексико-стилистического состава, пародируемых в сатире Сумарокова, предстает в другом произведении В. Петрова, его «Поэме на победы российского воинства под предводительством генерал-фельдмаршала графа Румянцева, одержанные над татарами и турками» (1772). Написанная размером героических эпоей, александрийским стихом, «поэма», однако, подчинялась панегирическому заданию, сохраняя все штампы выпященного стиля торжественных од ее автора:

Румянцов до берегов Дунайских гром пронес,
Грядет, столб огненный над ним и войском блещет,
Разит, падут враги! вселенна совоплощется.⁶

В подобных выражениях выдержан зачин поэмы, завершающийся не менее колоритной концовкой:

Ты храбрый Россов вождь, венчаемый лавром воин,
Геоργия и всех муз пения достоин
Взнесись твоей хвалы на вышний горизонт;
Переступи Дунай, достигни в Геллеспонт,
Паря подобного усердия крылами,
С Архипелажскими соединишь Орлами.⁷

Вся система гиперболизированных метафорических уподоблений, напыщенной метонимии, усложненность синтаксиса, обильно представленные в названных сочинениях В. Петрова, высмеиваются Сумароковым. Даже неоднократно используемое рифмовое сочетание «горизонт — Геллеспонт», «понт — горизонт» обыгрывается в пародии. Аналогичные наблюдения дали бы и другие оды В. Петрова тех лет: «На войну с турками» (1769),⁸ «На взятие Ясс» (1769), «На взятие Хотина» (1769) и др.

Кстати, косвенным подтверждением справедливости предложенного истолкования источников пародийных выпадов Сумарокова в его сатире может служить еще одно произведение этого автора — притча «Александрова слава». Включенная Н. И. Новиковым в пятую книгу притч Сумарокова, она, по всей вероят-

⁵ Петров В. Сочинения. СПб., 1782, ч. 1, с. 65.

⁶ Там же, с. 205—206.

⁷ Там же, с. 238.

⁸ Начальный стих этой оды («Султан ярится, ада дочери в нем фурии раздули гнев») в XIX в. будет использован Пушкиным также в пародийных целях.

ности, была написана в то же время, что и сатира. Это видно из содержания притчи:

Мы прямо это знаем.
Когда бы, Александр, ты побыл за Дунаем,
Или бы в Бендере сидел,
Или бы флогами противу нас владел
На Гелеспонте,
И видел корабли в огне на горизонте.
Или б на флоте был среди воинских дел:
Конечно б ты тогда гораздо потерпел,
И песню Греции иную б ты запел;
Встревожилися бы твоих героев душики,
Когда бы загремели пушки
Под предводительством великих сих мужей,
О коих я сказал тебе в поэмке сей,
Принесших новую России славу всей
Сказал бы ты тогда: во дни ЕКАТЕРИНЫ
Моя увяли крыны.

(с. 268)

Это в сущности поэтически оформленная, развернутая реплика, посвященная тому же предмету, о котором идет речь в сатире «О худых рифмоторцах». Здесь все: и набор знакомой фразеологии, и насмешливое травестирование напыщенного стиля панегириков, и пренебрежительная отсылка к «поэмке», содержащей описания героических подвигов «великих мужей», и, наконец, полное скрытой издевки заключительное двустипение, где обыгрывается излюбленный у таких одописцев, как Петров, рифмовой штамп («Екатерины» — «крыны»), — все указывает на Петрова.

В свете сказанного становятся понятными и неясные места первой части сатиры Сумарокова: намеки на переводчиков, упоминания Вергилия, ироническая похвала преемникам Вергилия в век Екатерины II. Как раз в конце 1760-х гг. В Петров работает над поэтическим переводом «Энеиды» Вергилия. Первая песнь ее появилась в печати уже в 1770 г. под названием «Еней. Героическая поэма». В предпосланном переводу стихотворном посвящении цесаревичу переводчик в выпенренных выражениях уподобляет себя Вергилию, а Екатерину — Августу:

Охота к знаниям, что мудра кроет древность

Приводит робкое в движение перо.

О если б то текло, как жар велит быстро,

Я мыслей в высоте Марону подражая,

И большим, нежель он, усердием пылая,

Потщится бы пред всей вселенной показать,

Чем выше Августа твоя Августа мать!⁹

Подобные претензии не могли остаться незамеченными для современников, тем более что в предварявшем публикацию предисловии от лица переводчика Петров допустил весьма прозрачные

⁹ Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. [СПб.], 1770. с. [III].

намеки на своих литературных противников и в первую очередь на Сумарокова. Петров не забыл оскорбительной пародии последнего на его оду 1766 г. «Что сказать о наших новоявленных критиках, которые будучи велики в одной только ватаге своих знакомцев и приятелей, судят и рядят все дела по своему произволению, и лавроносным стихотворцам назначают места, где кому быть с чрезвычайным повелительством, как снабденные на сие жалованною от Аполлона грамотою от Цензоры»,¹⁰ — писал он в своем предисловии. Сатира «О худых рифмоторцах» и явилась своеобразным ответом на выпады новоявленного последователя Вергилия.

Кстати, В. Петров был не единственным автором, проявившим в те годы интерес к Вергилию. За год до появления в печати его перевода в Москве был издан также стихотворный перевод «Энеиды» В. Санковского («Публия Virгилия Марона Енеиды книга первая». М., 1769). Во втором издании (СПб., 1775), дополненном еще двумя песнями поэмы, перевод сопровождался комментариями, «баснословными, землеописательными и историческими изъяснениями» В. Г. Рубана, также известного казенного поэта, автора подносных стихов и дежурных панегириков. Рубан, по-видимому, способствовал перепечатке перевода Санковского в Петербурге. Однозначность фигуры Рубана в глазах поэтов сумароковского окружения была такова, что его фамилия стала синонимом бездарного, продажного рифмоплета. Творения В. Г. Рубана также явились объектом пародирования в заключительной части рассматриваемой сатиры Сумарокова. Панегирический пассаж, воспевавший победы россов над турками и стилизовавший в пародийном плане одическую систему В. Петрова, сменялся в финале новым взрывом подобострастных восхвалений. Теперь панегирические тирады славили мудрое и добродетельное правление императрицы Екатерины II, источника благоденствия подданных, распространительницы наук и художеств.

Переменится Кремль во новый нам Сион,
И сердцем северна зрим будет Рима он;
И Тверь, и Искорест и многи грады новы
Ко украшению России уж готовы;
Дом сырых, где река Москва струи лиет,
В веселии своем на небо вопиет:
Сим бедным сиротам была бы смерть судьбиной,
Коль не был бы им дан живот Екатериной.
А ты Петрополь стал совсем уж новый град, —
Где зрели тину мы, там ныне зрим Евфрат.
.....
А кто ко храму здесь Исакия идет,
Храм дня рождения узрит Петрова пышный:
Изобразится им сей день, повсюду слышный.

¹⁰ Там же. Предупреждение, с. [XII]. В этих словах содержится также намек на Н. И. Новикова, активно поддерживавшего Сумарокова в критических статьях журнала «Трутенъ».

Узрит он зрак Петра, где был сожженный храм;
Сей зрак поставила Екатерина там.
Петрополь, возгласи с великой частью света;
Да здравствует она, владея многи лета.

(с. 361)

Так кончается IV сатира. В этих стихах тоже достаточно иронии и сарказма, и панегирик также оборачивается в конечном итоге едкой пародией. Но, как и в первом случае, очевидно, что приведенные стихи никак не могут относиться к Ломоносову. Не случайно их истолкование ставило в тупик Х. Шредер. Кроме указания на возможность содержащихся в них критических намеков в адрес Екатерины II, западногерманская славистка никакого объяснения им не давала. Наличие скрытой иронии по отношению к политике императрицы в этих стихах отрицать трудно. Но непосредственным объектом сарказма сатирика являлась в данном случае конечно не Екатерина, а ее пеуемые хвалители-стихотворцы, и в первую очередь В. Рубан. Этот поэт, заслуживший репутацию заказного рифмача, действительно превратил поэзию в средство заработка, сочиня шаблонные панегирические стихи по любому поводу: прославление очередной победы, надписи к портретам вельмож, стихи на выздоровление от болезни, на освящение построенных церквей и т. д.¹¹ В 1771 г. он опубликовал подборку своих стихотворений подобного рода под заглавием: «Сочиненные и переведенные надписи на победы Россиян над турками, одержанные в 1769 и 1770 году, и на другие достопамятности, изданные Василием Рубаном» (СПб., 1771). Сумароков мог ознакомиться с содержанием этого сборника во время своего приезда в Петербург летом 1771 г. Во всяком случае именно в свете этой книжки становится понятным смысл финальной части его IV сатиры. Мы встречаем среди надписей стихи «К покорителю Бендер», воспевавшие мужество П. И. Панина, надпись «На Императорский Сиропитательный дом». Достаточно прочесть часть этой надписи, чтобы уловить источник, от которого отталкивался Сумароков, упоминая в своей сатире «дом сирых»:

Се зрим убежище рожденных в свет сирот!
Их жизнь и щастие зависит от щедрот
Благотворителей усердных от народа,
В которых действует и вера и природа,

¹¹ Можно привести эпиграмму И. И. Хемницера, раскрывающую отношение к поэзии В. Г. Рубана со стороны последователей сумароковского направления в литературе:

Что Рубан за стихи подарки получает,
Давно уже людей разумных удивляет.
Что ж? Он и все не с тем подарки получал,
Чтоб поощрить его, чтоб он и впредь писал, —
Нет, чтоб писать он перестал.

(Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963, с. 219. Б-ка поэта. Большая сер., 2-е изд.).

Монархия к тому пример нам подает,
Она обильные на них щедроты льет.¹²

Есть там также надпись «На великолепное здание соборной Исакиевской церкви с пределом храма святых Кира и Иоанна и Николая Чудотворца сооружаемое в Санктпетербурге», помогающая понять упоминание в сатире храма Исаакия; надпись содержит стихи, прямо соотносимые с сумароковскими:

Екатерина здесь сей храм сооружает,
Который их святым патронам посвящает,
Чтоб вечно празднован в России день тот был,
Когда творец Петру родиться в свет судил.¹³

Можно привести стихи Рубана из помещенной в этом сборнике надписи «К камню назначенному для подножия статуи императора Петра Великого», проясняющие смысл явно пронического неоднократного обыгрывания Сумароковым слова «зрак» применительно к задуманной статуе Петра:

Узрит он зрак Петра, где был сожженный храм:
Сей зрак поставила Екатерина там.

(с. 361)

В надписи Рубана читаем:

... Се целая гора с богатствами природы
Из недр земли ишед, прешла глубоки воды,
В подножие Петру склоплет свой хребет!
Да видит зрак сего Монарха целый свет.¹⁴

Наконец, следует отметить помещенную в конце сборника «Песнь на торжественное поражение и разогнание многочисленных Оттоманских сил <...> июля 7, 24 и 26 числ 1770 года...». Эта «победительная песнь», посвященная тому же событию, на которое откликнулся В. Петров, была выдержана в тех же тонах неумного восхваления. Рубан сопровождал свою «песнь» эпиграфом из Вергилия: «Arma Virumque Cano» (Пою оружие мужей). И в этом штрихе сказалось необоснованное желание заказного поэта выступить в роли российского Вергилия.

В свете сказанного проясняется подлинный смысл и пафос всей сатиры Сумарокова «О худых рифмоторцах». Перед нами акт литературной полемики, отражение борьбы лидера русского классицизма за чистоту «русского Парнаса». То, что вчерашние семипаристы, какими были В. Петров и В. Санковский, или заштатные творцы подносных стихов вроде В. Рубана начинали брать на себя функции выразителей общественного мнения, засоряли своими творениями печатный рынок, претендуя на роль певцов «века Екатерины», не могло не тревожить сумароковцев, лидирующее положение которых в литературе к 1770 г. и так пошатнулось. IV сатира Сумарокова и явилась реакцией на возросшую активность таких авторов, как В. Петров и В. Рубан.

¹² Сочиненные и переведенные надписи В. Г. Рубана. СПб., 1771, [с. 13].

¹³ Там же, [с. 10].

¹⁴ Там же, [с. 15].